PG 3320
.C45 K6

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

9975
5-Ra
20 804
15

КОЛДУНЪ.

СТАРИННАЯ ДОНСКАЯ ПОВѢСТЬ,

СОЧИНЕНІЕ

И. Ч.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1838.

КОЛДУНЪ.

Kolduin

КОЛДУНЪ,

СТАРИННАЯ ДОНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

И. Ч.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.
Schiller.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Эдуарда Праца и К°.

1838.

PG 3320
.C45K6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 19 Октября 1835 года.

Ценсоръ *Петръ Корсаковъ.*

ЕГО

Превосходительству

СЕМЕНУ БОГДАНОВИЧУ

БРОНЕВСКОМУ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ

посвящаетъ

Сочинитель.

1833 года.

ТОБОЛЬСКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Разборчивый Критикъ вѣрно не потребуетъ историческихъ фактовъ о Колдунѣ, списанномъ съ общихъ предразсудковъ народа, неозареннаго еще просвѣщеніемъ, и съ удовольствіемъ готоваго внимать разсказамъ Русской Шехеразады о небылицахъ былаго и настоящаго времени. Впрочемъ, нигдѣ кажется, не было столь надежнаго убѣжища для колдуновъ, вѣдьмъ, оборотней и прочихъ членовъ таинственнаго міра, олицетвореннаго упорнымъ суевѣріемъ и странною наклонностью къ сверхъ-естественному, какъ между предками воинственныхъ обитателей Донской Земли. Но удивительно ли это, когда и въ высшемъ, образованномъ кругу, есть много самыхъ ревностныхъ почитателей несбыточнаго явленія чудесныхъ призраковъ, которые оставляютъ иногда свои темныя, скучныя и очарованныя убѣжища, для забавы, — слишкомъ затѣйливой забавы, — не рѣдко переходящей въ ст ахъ.

Нужно ли доказывать, что всѣ юродивые, колдуны, чародѣи минувшаго времени, подобно опи-

санному здѣсь, были люди, поставленные, — сколько по легковѣрію своихъ недальновидныхъ почитателей, столько же и по несчастіямъ, или по видамъ корысти, — въ эту категорію чудаковъ, иногда образцовыхъ по своей отчаянной твердости, укрѣпляемой закоренѣлымъ кощунствомъ.

Впрочемъ, не увлекаясь съ пламеннымъ, безграничнымъ своенравіемъ воображенія, въ этотъ фантастическій міръ, трудно написать по всѣмъ условіямъ Поэзіи народную повѣсть, и тѣмъ труднѣе удержать ея прежнюю форму, размѣръ стиховъ, разговорный языкъ и бытъ давняго времени, мало извѣстный; но я отнюдь не стараюсь избѣгнуть суда Критики, искупая себя невозможностію вполнѣ достигнуть цѣли, — напротивъ, я стремлюсь обнаружить прямое желаніе воспользоваться замѣчаніями опытныхъ Литераторовъ, которыхъ впередъ благодарю за всякій добрый совѣтъ, не скрывая однакожъ и того, что не посвятивъ себя исключительно однимъ трудамъ на этомъ обширномъ поприщѣ, и удѣляя для нихъ немногіе праздные часы отъ занятій по службѣ, я ни сколько не былъ увлеченъ надеждами на литературную извѣстность и довольствовался одною мимолетною отрадою жизни въ очаровательномъ мірѣ поэзіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Разсказъ, настроенный мечтой,
И въ струнахъ лиры боевой
Въ часы досуга пробужденный, —
Я приношу, какъ даръ смиренный,
Въ залогъ преданности святой,
Чтя доблести души прямой
И умъ высокій, просвѣщенный.

КОЛДУНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Не тамъ ли, — гдѣ свой ароматъ
Въ весенній воздухъ льютъ сирени, —
Гдѣ плодоносный виноградъ
Наводитъ пурпурныя сѣни,
Глядясь въ зеркаловодный Донъ, —
Гдѣ серебристой тканью онъ
Струится по лугамъ Аксая,
Отлогій берегъ подмывая,
Среди воинственныхъ станицъ, —
Гдѣ рощи сѣнь таитъ кладбище
Забытыхъ дѣдовскихъ гробницъ, —
Стояло ветхое жилище

Какъ лунь сѣдаго Колдуна,
Кѣмъ старина была славна?
Быть можетъ, тамъ. — Но кто былъ онъ —
И любопытные не знали!
И, какъ невнятно-грозный сонъ,
Изъ устъ въ уста передавали
Разсказы о его дѣлахъ.
И вотъ въ станицахъ, въ городахъ
Въ немъ даръ опасный Чародѣя,
Во тмѣ невѣжества коснѣя,
Почтила цѣлая страна,
Съ названьемъ страшнымъ Колдуна, —
Въ томъ признавая чарованье,
Что своенравный, гордый умъ
Творитъ въ порывѣ смѣлыхъ думъ,
Сурово заглушивъ желанья;
Тогда какъ съ утра пылкихъ лѣтъ,
Въ неодолимомъ вихрѣ бѣдъ,
Тоска безъ спросу смѣнитъ радость,
Безвременно застигнетъ старость,
И человѣкъ невзлюбитъ свѣтъ!
А опытъ, какъ ярмо недуга,
Гнететъ младыя рамена.
Но мудрость, скромная подруга
Его безпечнаго досуга,
Непостижима и страшна
Предъ суевѣріемъ народа,
Какъ въ бурную полночь природа, —

И ужасъ имя Колдуна,
Какъ дань боязни и почтенья,
Даетъ тому, кого она
Даруетъ свѣтомъ вдохновенья;
Тому, кто обручился съ ней
Въ порывѣ самоотверженья,
И потушилъ огонь страстей.
Какъ въ узахъ самовластныхъ плѣна
Минута воли не вѣрна,
Такъ словъ обманчивыхъ измѣна
Въ молвѣ народной не ясна....
И часто темное преданье
На миновавшія дѣла,
Какъ полночи осенней мгла,
Наводитъ тайну чарованья.

II.

Я тму чудесъ о Колдунѣ
Отрылъ въ завѣтной старинѣ:
Онъ волкомъ сѣрымъ, кошкой черной,
Совой, сорокой, мертвецомъ,
Изъ старца съ ловкостью проворной
Вмигъ обратясь, въ часу ночномъ
Пугалъ народъ, и на болото
Леталъ блуждающимъ огнёмъ,
Томимый вражеской заботой,

И тамъ скрывался въ черной мглѣ...
Не перечесть его проказы: —
То пыль взметая, на метлѣ
Онъ ѣздилъ, и потокъ заразы
Вдругъ разливалъ въ Донской землѣ;
То на Днѣпровскіе пороги
Онъ къ вѣдьмѣ Кіевской леталъ,
Избушку ей на курьи ноги
Усердно ставить помогалъ, —
И тамъ кикимору сѣдую
Вѣнчалъ онъ съ карлой-домовымъ,
И синимъ огонькомъ, какъ дымъ,
Зажегъ лампаду ледяную.
И даже выкликалъ на бой,
Колдунъ, морское Чудо-Юдо;
Но расчитавъ, что будетъ худо, —
Онъ весь, какъ въ саванъ гробовой,
Закутался въ туманъ густой,
Летѣлъ, скакалъ на сивкѣ-буркѣ,
На вѣщемъ на лихомъ коуркѣ....
И ровно семьдесятъ недѣль,
Умчась за тридевять земель,
Въ хрустальномъ за́мкѣ Царь-Дѣвицы
Жилъ въ тридесятомъ царствѣ онъ,
Гдѣ щедро ею надѣлёнъ:
Перомъ блистательной Жаръ-Птицы,
Ширинкой съ вѣчною казной,
Водою мертвой и живой.

Но говорятъ и небылицы:
Что ими онъ морилъ, цѣлилъ,
И будто бы въ могильномъ трупѣ
Однажды чувства пробудилъ.
А съ Бабою-Ягой онъ въ ступѣ
Объѣхалъ цѣлый свѣтъ кругомъ,
И съ нею въ Царствѣ-золотомъ
У тощаго Царя Кощея,
Среди сокровищъ, онъ зачахъ —
Съ тоски и съ голода въ гостяхъ.
Потомъ у Огненнаго Змѣя
Въ плѣну проспалъ онъ три-ста лѣтъ.
Однакожь, выбравшись на свѣтъ,
Онъ на коврѣ на самолетѣ
Взвился, какъ изъ лука стрѣла
Въ своемъ губительномъ полетѣ,
И въ чернокнижныя дѣла
Пустился онъ, какъ демонъ зла.

III.

Съ тѣхъ поръ нечистою наукой
Морочилъ старый Чародѣй
Крещеныхъ на Дону людей;
Для нихъ былъ страхомъ, чудомъ, мукой.
Всегда его недобрый глазъ
Виной — въ бѣдахъ, причиной — въ горѣ,

Невзгодой въ жизни, бурей — въ морѣ.
За то въ мірскихъ дѣлахъ не разъ
Къ нему жъ ходили на совѣты:
Хоть старъ, но смѣтливъ, зорокъ онъ,
На все готовъ, во всемъ смышлёнъ.
Порывы чувствъ еще согрѣты
У старца юности огнемъ,
И не по лѣтамъ бодрость въ немъ;
Какъ юноша въ походкѣ смѣлый,
Онъ былъ осанистъ и легокъ;
Окутанный въ одеждѣ бѣлой,
Казался величавъ, высокъ,
Всегда привѣтливъ, рѣдко строгъ;
Онъ думу проницалъ очами,
Все видѣлъ и все зналъ вездѣ.
У старца волосы кудрями
На головѣ и бородѣ
Струилися, подъ сѣдинами,
Зимою лѣтъ уснѣжены;
Чело и впадшія ланиты
Толпою думъ омрачены;
Но въ глубинѣ ихъ были скрыты
Его мечтаній черныхъ сны.

Онъ, первый гость въ бесѣдѣ шумной,
Былъ важенъ, какъ бояринъ Думной
Въ почтенной Русской старинѣ;
Разборчивъ — въ пищѣ, въ разговорѣ;

Умѣренъ — въ смѣхѣ и винѣ,
Рѣшителенъ — въ бѣдѣ и въ спорѣ,
И въ немъ правдивъ, какъ встарь судья.
Но позабылъ прибавить я,
Что онъ на свадьбахъ, межъ гостями,
Былъ неизбѣжное лицо;
Что онъ съ крыльца и на крыльцо
Вёлъ новобрачныхъ, и дарами
Отъ нихъ почтенъ былъ прежде всѣхъ...
При немъ всегда вершилось дѣло;
А безъ него оно не зрѣло,
Во всемъ былъ вѣрный неуспѣхъ....
И даже бранные набѣги
Безтрепетныхъ дѣтей войны
Бывали имъ же внушены;
Усталыхъ воиновъ ночлеги
Имъ отъ враговъ охранены.
Совѣтомъ смѣлымъ, въ вихрѣ битвы,
Донцовъ къ побѣдѣ велъ старикъ.
При немъ всегда острѣе бритвы
Ихъ сабли и желѣзо пикъ;
При немъ въ опасностяхъ бодрѣе,
Отважнѣй въ натискахъ казакъ;
Добыча — сильныхъ дань — вѣрнѣе;
Смирнѣй, уступчивѣе врагъ.
Черкесы, Турки и Татары,
Въ наукѣ славы и побѣдъ
Донцамъ указывали слѣдъ,

И храбрыхъ первые удары
Имъ были платой за совѣтъ.
Не уставали въ бурѣ брани
Казнить враговъ огнёмъ, мечёмъ
За Волгой, Камой и Днѣпромъ,
Въ Крыму, въ Сибири и въ Казани.
За волны Терека, Кубани —
Вездѣ со славой казаки
Водили смѣлые полки.
Морей бездонная пучина
Ихъ не страшила; ихъ суда
Отважно на водахъ Эвксина,
Въ Азовѣ мутномъ, какъ стада
Красивыхъ лебедей сбирались;
Надувшись, будто опирались
Широкой грудью паруса
На голубыя небеса,
Тонули въ сѣрые туманы....
Встрѣчали бодро ураганы
И недруга, во тмѣ ночной,
Донцы готовые на бой.

IV.

Разъ, какъ въ долину сизымъ моремъ
Туманная запала мгла,
И тѣнь отъ лѣса залегла,

Какъ великанъ, на косогорѣ,
Два запоздалыхъ козака,
Въ полночной темнотѣ блуждая,
Зашли туда, гдѣ сѣнь лѣсная
Таитъ жилище старика.
Осенній вѣтеръ гналъ туманы,
Шепталъ, какъ тать, въ листахъ осинъ;
И ужасъ, гость ночной, незваный
Пошелъ, какъ грозный исполинъ,
Угрюмо съ казаками рядомъ;
И вотъ, какъ призракъ гробовой,
Явился Чародѣй сѣдой,
Сверкалъ во тмѣ коварнымъ взглядомъ....
Но что жь Донскіе удальцы? —
Неодолимымъ страхомъ полны,
Они, недвижны и безмолвны,
Безъ чувствъ, безъ силъ, какъ мертвецы....
Тутъ затянули вой полночный
Надъ ними филинъ и сова;
Кругомъ пошла ихъ голова....
И вотъ невнятныя слова
Колдунъ, заслышавъ часъ урочный,
По черной книгѣ прочиталъ,
Какъ лѣшій, дико засвисталъ,
И мелкимъ обернулся бѣсомъ;
Потомъ рости, рости... и сталъ
Онъ равенъ головою съ лѣсомъ.
И трижды онъ обвелъ кругомъ

Своимъ заговореннымъ прутомъ,
Съ Нечистымъ въ замышленьи лютомъ
Все отуманить волшебствомъ....
И все затихло мертвымъ сномъ.
Тутъ хищниковъ полночныхъ стая,
Его крылами обнимая,
Слетѣла съ шорохомъ глухимъ....
И, въ хороводѣ передъ нимъ,
Ужасной пляской, неземною,
Подъ черной ночи пеленою,
Свилася дикою толпой, —
Завыла, какъ буранъ степной.
Колдунъ, какъ дряхлая осина,
Дрожалъ въ ихъ дьявольскихъ когтяхъ....
И эта страшная картина
Носилась долго бы въ глазахъ;
Но вспѣлъ пѣтухъ — и палъ во прахъ
Старикъ, средь вражьяго совѣта.
Тогда, опомнясь, казаки,
При блѣдномъ заревѣ разсвѣта,
Пустились берегомъ рѣки,
И прежде, чѣмъ огонь денницы
Воспламенилъ туманъ сѣдой,
Они, крестясь, пришли домой.

V.

Бывало, чуть въ тиши ночной,
Освѣтивъ спящія станицы,
Проглянетъ мѣсяцъ молодой
И порѣдѣетъ тма густая,
Широкій Донъ разоблачая, —
Старикъ несется въ челнокѣ;
И въ отуманенной рѣкѣ
Русалки Колдуна встрѣчаютъ
Своей веселою семьёй.....
А искры прыгаютъ, сверкаютъ,
Какъ частый гребень золотой
Ихъ косу чешетъ травяную.
Волшебной пѣснью нѣжа слухъ,
У старца бороду сѣдую,
Какъ мягкій лебединый пухъ,
Завьютъ волнистыми кудрями, —
И, сквозь серебряный туманъ,
То обнаживъ прелестный станъ,
То скрывшись быстро подъ волнами,
Какъ рыбы, по златому дну
Прозрачныхъ водъ онѣ ныряютъ,
И, противъ воли, увлекаютъ
Его съ собою въ глубину....
Какъ знать ихъ умыселъ коварный?..
Но жемчуги, алмазъ, кораллъ —
Манили въ теремъ ихъ янтарный,

И блескъ сокровищъ ослѣплялъ
Тамъ взоръ суровый Чародѣя!...
Иль, поздней страстью пламенѣя,
Старикъ тамъ въ нѣгѣ утопалъ!....
Покуда на кудрявомъ ложѣ
Косматый властелинъ лѣсовъ
Въ глуши, межъ листьевъ, насторожѣ
Завѣтныхъ выжидалъ часовъ....
Въ добычахъ съ нимъ Колдунъ дѣлился,
И чарамъ отъ него учился,
Ужасной гибели цѣной —
Ему предавъ себя душёй!....

VI.

Такъ легковѣрное преданье
О Колдунѣ, теперь и намъ
Давнишнее повѣствованье
Передаетъ. — Но чудесамъ,
Гдѣ строятъ козни злые духи,
Гдѣ страшны чары Колдуна,
Или волшебницы — старухи, —
Конечно въ наши времена
Не будутъ вѣрить, называя
Ихъ страстью къ вымыслу одной, —
И самъ не думалъ никогда я,
Чтобъ Духъ низверженный изъ Рая

Былъ слишкомъ силенъ; но порой
Зачѣмъ, въ угрюмой тмѣ ночной,
Неустрашимый въ день — страшится,
Чего — не понимая самъ?...
Въ насъ что-то странное таится!.....
Зачѣмъ, — когда по вечерамъ
Семья сберется небольшая,
И рѣчь одну другой смѣняя, —
Разсказами о мертвецахъ,
Съ волненьемъ тайнымъ въ разговорѣ
И смутной робостью во взорѣ,
На многихъ насылаетъ страхъ? —
Хотя опаснѣе живые,
Но трепетъ непонятный въ насъ
Внушаютъ въ этотъ грустный часъ
Воспоминанья гробовыя.

VII.

Однажды, говоритъ молва:
Когда весенняя трава
Въ степяхъ зелеными коврами,
Цвѣтовъ пестрѣющій узоръ,
Поля, шумящія стадами,
И быстрые потоки съ горъ —
Манили къ наслажденью взоръ,
И блескъ проснувшейся денницы,

Смѣняя утреннюю тѣнь
И вытѣсняя изъ станицы
Сна утомительную лѣнь,
Животворилъ весенній день:
Тогда прелестная Марія,
Отбросивъ кудри золотыя,
Въ подвижномъ зеркалѣ воды
Лицо младое умывала,
И слезы — злой тоски слѣды —
Съ волнами рѣзвыми мѣшала....
Тутъ, очи дѣва въ небосклонъ,
Темно-лазурныя, какъ онъ,
Съ невинной устремивъ мольбою,
Была, какъ ангелъ красотою.
Могу-ль понять, извѣдать я,
Казачка милая, младая,
Куда помчалась мысль твоя,
Желаній спутница нѣмая?
Что рушитъ дѣвственный покой?
Подругъ, иль жениха измѣна?...
Нѣтъ, вѣрно пламень думъ святой
Владѣетъ юною душёй;
И преклоненныя колѣна,
И взоръ, увлаженный слезой, —
Все говоритъ, что не мечтами,
Но непорочными мольбами
Ты въ міръ другой увлечена!

VIII.

И вотъ, молитва прервана...
Но прежней думою полна,
Марія робкими стопами
Вошла въ густой, дремучій лѣсъ, —
И по тропинкѣ, затаенной
Подъ сводомъ вѣковыхъ древесъ,
Идетъ съ тоскою безвременной,
Съ надеждой къ благости Небесъ.....

Однакожь, мнѣ бы должно прежде
Моимъ читателямъ сказать,
Въ какой она была одеждѣ.
У ней — хотите ли узнать —
Бѣлѣе снѣга покрывало
Съ чела на перси упадало,
Простой кумачный сарафанъ
Сжималъ летучій, стройный станъ,
А изъ-подъ будничной повязки
Сбѣгала длинная коса,
Ея завѣтная краса.
И было все, какъ въ древней сказкѣ
У всѣхъ красавицъ должно быть,
Чего перомъ не изъяснить,
Ни словомъ высказать достойно.

Межъ тѣмъ, въ раздумьи безпокойномъ,
Она, какъ соловей, поетъ;

И голосъ дѣвы заунывный,
Взбудивъ пріютъ лѣсовъ пустынный
Мнѣ скорбь ея передаетъ:

Очи, мои очи,
Съ утра до полночи
Вы не просыхали;
А тоска и горё,
Будто сине морё,
Сердце волновали.

* * *

Долго ли вамъ, очи,
Плакать дни и ночи!
Долго ли, кручина,
Знать тебя мнѣ, злая!
Стала, какъ чужбина,
Ты, земля родная!

* * *

Лучше бы вамъ, очи,
Не видать той ночи,
Что свела съ бѣдою....
Я её не знала,
А чуть свыклась съ злою —
Какова я стала!

IX.

Но смолкнулъ голосокъ стѣсненный.....
И въ томъ убѣжищѣ почтенномъ —
Почтенныхъ дѣдовъ и отцовъ,
Гдѣ искривленными рядами
Лежитъ могильный строй холмовъ
Съ ихъ деревянными крестами, —
Грустнѣе сдѣлалась она....
Быть можетъ, страхъ владѣлъ душёю? —
Но тамъ жилище Колдуна:
Къ нему трепещущей рукою
Стучитъ нетерпѣливо въ дверь.....
Все объяснилося теперь: —
Я мысли тайныя читаю,
Красавица, въ душѣ твоей.
Ты въ хижину вошла — я знаю,
Чего ты, дѣва, ищешь въ ней;
Я понялъ раннія печали
Въ лицѣ твоемъ глубокій слѣдъ;
И взоры смутные сказали, —
Мечты дѣвической завѣтъ, —
Чего они тогда искали.
Сквозь влагу непорочныхъ слезъ,
Подъ кровомъ Матери Небесъ,
Ты о земной Её молила: —
Она, съ болѣзнію въ борьбѣ,
Томилась трудно. И тебѣ

Тотъ путь, который ты свершила,
Не страшенъ, не опасенъ былъ;
Тебя Хранитель — сохранилъ!
Своей бѣдой пренебрегая
И заглушивъ невольный страхъ,
Въ тѣхъ зачарованныхъ мѣстахъ
Ты, дѣва, шла, какъ неземная,
Въ притонъ опасный Колдуна;
Твоя душа была полна
Не жаждою любви мятежной,
Не думъ тревогой безнадежной, —
Житейскихъ чуждая страстей,
Одной заботливостью нѣжной,
Тоскою о родной твоей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КОЛДУНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

«Потише, юная Марія,
Я не поспѣю за тобой!» —
Идя подъ липы вѣковыя,
Ей говорилъ Колдунъ сѣдой.
«Твое похвально нетерпѣнье,
Но согласись: не по лѣтамъ
Столь тяжкій трудъ моимъ ногамъ!
Не бойся! благость Провидѣнья,
Въ пути житейскомъ насъ храня,
Съ чудесной мудростію правитъ;
И, ею озаривъ меня,
Твою больную мать избавитъ
Отъ бремя скорби роковой.
Всѣ травы, снадобья со мной,
И неизмѣнное терпѣнье, —
Души угрюмой наслажденье.
Болѣзнь, утраты и тоска
Не устрашаютъ старика,
Ни сердце юноши младаго, —
Когда терпѣнія запасъ
Онъ сберегалъ на черный часъ:

На все душа его готова.
Но ты, какъ ароматный цвѣтъ,
Согрѣтый лѣтней теплотою, —
Ты, на зарѣ невинныхъ лѣтъ,
Боишься встрѣтиться съ зимою!...
Опасенъ жизни трудный слѣдъ,
Какъ въ бурный день Азовъ мятежный;
Но, съ вѣрой въ Промыселъ Святой,
Ведетъ насъ твердою рукой
Терпѣнье — проводникъ надежный.» —
— «Мнѣ, дѣдушка, твоихъ рѣчей
Едва понятенъ голосъ тайный;
Я въ простотѣ души моей
Ждала съ родимой лучшихъ дней!
Зачѣмъ же для тебя печальны
Святыя радости земли?
Кто въ ясный день желалъ ненастья!
Кто на погибель смѣнитъ счастье!
Нѣтъ, старецъ, горе не хвали!
Мнѣ трудно съ нимъ; теперь я знаю
Его мучительную боль:
Я за родную вся страдаю!
Ты мнѣ надѣяться позволь,
Что съ ней моя воскреснетъ радость;
А безъ нее — на что мнѣ жить!
На чемъ терпѣнье утвердить
Тогда, какъ грусть отравитъ сладость
Души неопытной въ бѣдахъ?

Я въ горькихъ утону слезахъ, —
Ужасно я осиротѣю!
Но много силы у Творца: —
Его молить съ надеждой смѣю!
И съ клятвой передъ Нимъ моею,
Надъ прахомъ дѣда и отца,
Даю тебѣ святое слово,
Что за спасеніе родной
Я съ бдагодарностью готова,
Готова жертвовать собой!» —
«Огонь твоей любви дочерней
Паритъ, какъ чистый ѳиміамъ,
Какъ жертва міра, къ Небесамъ.
И прежде, чѣмъ туманъ вечерній
Одѣнетъ свѣтлый небосклонъ,
Творецъ пойметъ твой скорбный стонъ
Съ достоинствомъ души невинной,
Съ мольбой отшельника пустынной.....
Какъ старецъ опытный, умна, —
И, какъ младенецъ, простодушна!
Умѣй же быть судьбѣ послушна:
Не будетъ жизнь тебѣ трудна!...
Здѣсь не волшебникъ предъ тобою.
Законы естества одни;
Но опытъ ледяной рукою,
Но бѣдствій рядъ, печалей дни,
Меня возвысивъ предъ толпою —
Прибавили мнѣ бремя лѣтъ,

*

И тѣ названья и одежды
Въ глазахъ безпечнаго невѣжды....
Недавно бурю раннихъ бѣдъ
Я тайны отразилъ чарами;
Узналъ, извѣдалъ я людей —
Безпечныхъ, жалкихъ чадъ страстей.
Тоска свинцовыми пёрстами
Разоблачила предо мной
Безцвѣтный саванъ гробовой.
Терпѣнье служитъ мнѣ клюкою,
Охолодѣвшему душою.
Таковъ познанія удѣлъ;
Но я судьбу винить не смѣлъ!»....

II.

Кротка была и безотвѣтна
Младая дѣва. — Но, порой,
Въ ней робость смутная замѣтна
И вздохъ прискорбія нѣмой;
Но то невольное почтенье
Къ преклоннымъ лѣтамъ Колдуна,
Души неопытной сомнѣнье —
Всегда покорной Небесамъ,
Въ ней противъ воли заглушало;
Какъ тихое дитя, внимала
Довѣрчиво его словамъ,
Она въ волненьи безотчетномъ,

То весела, то вдругъ грустна.
Такъ навожденьемъ мимолетнымъ
Владѣютъ нами, въ грезахъ сна,
Восторгъ и страхъ попеременно.

Вотъ, къ хижинѣ сиротъ смиренной
Пришелъ съ Маріей гость лѣсной;
Дверь заскрипѣла подъ рукой —
И блескъ трепещущей лампады
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой —
Встрѣчаютъ съ любопытствомъ взляды.
«Но чья рука ее зажгла? —
Себя Марія вопросила:
Когда изъ хижины пошла,
Ее слезами потушила
Я, утаивъ ихъ отъ родной,
Что-бы дочернею тоской
Въ ней не умножилось мученье
Въ борьбѣ съ недугомъ роковымъ.» —
Теперь предъ Образомъ Святымъ,
Смиренно преклонивъ колѣна,
Старушка съ чистою мольбой
Стремилась мыслію святой
Туда, гдѣ не страшна измѣна....
Увидя мать передъ собой,
Какъ тѣнь, недвижная, нѣмая,
Была красавица младая,
Не смѣя робкою душой

Свободно ввѣриться надеждѣ,
Упрямой, недоступной прежде.

III.

Творецъ безчисленныхъ міровъ
Внималъ молитвамъ дѣвы бѣдной,
Разоблачилъ тоски покровъ
Надъ ней рукою милосердной...
Какое множество чудесъ
Отъ насъ надзвѣздный міръ скрываетъ!
Но кто въ прекрасное небесъ
Съ восторгомъ вѣры уповаетъ,
Кто этотъ долгъ любви своей,
Не бывъ рабомъ земныхъ страстей,
Блюдетъ, какъ даръ неоцѣненный,
Съ надеждою необольщенной, —
Тотъ, затаенное отъ насъ,
Слѣпыхъ поклонниковъ порока,
Чудесное вліянье Рока
Извѣдалъ въ бурный жизни часъ,
Лелѣя думы неземныя.

И наша юная Марія,
Какъ ни была удивлена —
Не наговоры Колдуна,
Но благость Вышняго познала
Въ спасеньи матери своей;

Творца мольбами прославляла,
Потомъ родную обнимала,
Припавши съ нѣжностію къ ней.
Ея невинностью плѣненный,
Оставя кровъ сиротъ смиренный,
Угрюмый обѣщалъ сосѣдъ
Пріятность дружескихъ бесѣдъ
Межъ ними раздѣлять порою.

IV.

И часто съ мирною семьею,
Любя безпечность простоты,
Дѣлилъ часы отдохновенья
Суровый другъ уединенья
И врагъ завѣтный суеты....
Къ нему привыкли сироты.
Но какъ-то, долго ли — не знаю,
Быть можетъ, семь иль восемь дней,
Старикъ не посѣщалъ друзей.
И вотъ я кстати повторяю
Ихъ разговоръ: «Не разгадать,
Что сталось съ нимъ?» сказала мать;
«Послушай, Маша! право чудно,
Что нашъ степенный, добрый другъ
Нейдетъ къ намъ коротать досугъ?»
— «Родная, отгадать не трудно:
Когдабъ не боленъ, то бы онъ

Пришелъ на этой къ намъ недѣлѣ,
За часъ, какъ прежде, до полдёнъ, —
Вчерашній разгадалъ-бы сонъ;....
Мнѣ страшно подойти къ постѣлѣ:
Она, мнѣ снилось, будто гробъ,
Какъ въ-явѣ, стала подо-мною;
Меня отпѣлъ станичный попъ,
Закрыли бѣлой пеленою,
Въ могилу загребли, и мнѣ
Твои рыданья подъ землёю
Все слышались, — я вся въ огнѣ
Рвалась безъ силъ, въ тоскѣ, въ мученьѣ;
Мой голосъ замеръ, взоръ потухъ,
Смѣшались мысли. Тутъ нашъ другъ
Слетѣлъ, какъ будто привидѣнье,
Веселый, бодрый, молодой;
Онъ вывелъ смѣлою рукой
Меня изъ пасти гробовой.» —
«Не сонъ-бѣда! молиться Богу
Должны съ тобой мы день и ночь;
Но хоть невесело — въ дорогу
Ты милая сбирайся дочь! —
Съ подаркомъ къ нашему больному;
Такъ ласковъ онъ къ тебѣ всегда —
Какого ждать тебѣ вреда.
Безъ насъ вѣдь нѣкому другому
Его въ недугѣ посѣтить!»
— «А сонъ, родимая?» — «Ну, видно,

Что мнѣ самой къ нему сходить, —
А не пойти, повѣрь, намъ стыдно,
И очень стыдно...» — «Такъ и быть;
Я, матушка, на всё готова, —
Забуду сонъ, объ немъ ни слова, —
Благослови меня, прощай!» —
«Господь съ тобой, дитя, ступай!»

V.

И вотъ послушная Марія,
Подъ своды рощи вѣковые,
Къ волшебнику, скрывая страхъ,
Владѣвшій робкою душею,
Пошла съ цѣлебною травою. —
Она сама ее въ поляхъ
Трудолюбивыми руками
Въ часы досуга нарвала,
И благодарными устами
Ему сказать спасибо шла.
Старушка — мать того желала; —
А быть въ долгу у Колдуна
Рѣшиться не могла она.

Всегда Марія исполняла
Съ весельемъ — матери своей
Всѣ прихоти и всѣ желанья,
И никогда еще роптанье

Не крылось въ помыслѣ у ней;
Но неохотно на кладбище
Съ послушнымъ сердцемъ шла она:
Въ угрюмомъ мертвецовъ жилищѣ
Таинственная тишина
Непробудимаго ихъ сна,
И думы роковой печали
Красавицу не такъ смущали....
Но тучи, свитыя тепломъ,
Огромнымъ налетѣвъ ковромъ,
Сводъ полудённый застилали;
Но буря близкая на нёмъ,
Какъ-бы на черныхъ крыльяхъ ночи,
Спускалась въ тишинѣ глухой...
Опасенъ былъ ея покой....
И, съ робостью подъемля очи,
Марія въ темный сводъ небесъ
Боязнью полный взоръ топила... .

Вотъ: зашепталъ дремучій лѣсъ;
Въ чащѣ, въ дуплистой липѣ взвыла,
Почуя бурный часъ, сова,
И надмогильная трава
Какъ будто съ ней заговорила;
Нахохлясь, прятались въ листахъ
Пѣвицъ пернатыхъ хороводы;
Лѣниво зыблясь въ берегахъ,
Широкій Донъ покоилъ воды, —

Но въ нихъ черно, какъ въ небесахъ,
И день печаленъ въ тучахъ бурныхъ.....
У дѣвы робкой спёрся духъ,
Затмился блескъ очей лазурныхъ,
Какой-то шумъ тревожитъ слухъ;
Не стало силъ, слабѣли ноги; —
Но, потерявъ слѣды дороги,
Напрасно думала она
Спастись въ избушкѣ Колдуна.
Толпою думы налетѣли;
Вчерашній сонъ въ ея мечтахъ....
Какъ жаль бѣдняжку! не ужели
Её сведетъ въ могилу страхъ?....

VI.

Вотъ, у напуганной въ глазахъ:
Сгущенные пары тумана —
Какъ будто призракъ великана
Угрюмый, смуглый и сухой.
Онъ ей воздушною рукой
Грозилъ, манилъ её, казалось....
Отъ ужаса въ ней сердце сжалось.
Онъ ближе къ дѣвѣ; а она,
Тоской, отчаяньемъ полна,
Окрестность крикомъ огласила....
Но, въ лѣсъ ворвавшись, буря взвыла
Ей дико, жалобно въ отвѣтъ;

Ни силы, ни защиты нѣтъ,
И, сквозь потоки проливные,
Вдругъ молніи багровый лучь
Перебѣжалъ по ребрамъ тучь,
И съ трескомъ пали громовые
Удары — силы неземной....
Глаголы Неба роковые
Не вынесть дѣвѣ молодой:
Она безъ чувствъ, въ изнеможеньѣ,
Упала! — Кто-бъ подумать могъ? —
Не на сырой, пушистый мохъ,
Не въ пасть лѣснаго привидѣнья
И не въ могилу мертвеца!
Куда жъ?... Въ объятія чужія
Ей незнакомаго ловца!

VII.

«Скажи мнѣ, милая Марія,
Скажи мнѣ, легче ли тебѣ?
Забудь твой страхъ, забудь сомнѣнье,
Тебя хранило Провидѣнье
Въ неравной съ ужасомъ борьбѣ:
Твой крикъ съ участіемъ внимая,
Къ тебѣ, красавица младая,
На помощь я издалека
Спѣшилъ, опасность презирая;
За мной глубокая рѣка, —

И волны яростной пучины
Остались, какъ простой ручей...
Я жизни не щадилъ моей,
Какъ безотрадный сынъ кручины,
Еще не знавъ, что это ты? —
Какъ тѣнь сокрывшейся мечты,
Я бросился съ крутой стремнины,
Храпимый Промысла рукой,
Твой прежній другъ, Колдунъ сѣдой,
Омытый бурными волнами,
Простясь невольно съ сѣдинами, —
Въ одно мгновенье, за рѣкой,
Неузнанный къ тебѣ явился....
И самъ едва я не лишился
Послѣднихъ силъ, когда ко мнѣ,
Марія, ты, какъ въ чудномъ снѣ,
На грудь стѣсненную упала.
Не помню, что владѣло мной;
Но вся душа моя тобой
Тогда, какъ молнія, пылала,
Насъ озарявшая во мглѣ,
И на безчувственномъ челѣ
Твоемъ она остановила
Мой взоръ, сквозь ливень дождевой.
Не вѣрь глазамъ, то призракъ злой!
Мнѣ грусть холодная твердила....
Любовь коварна, какъ змѣя,
Она обманетъ, думалъ я,

Надеждѣ робкой не внимая.
Мечта завѣтныхъ думъ родная!
Тебя ли рокотъ бурь и громъ
Изгладятъ въ помыслѣ моёмъ!»....

VIII.

Но чтожь?.... Марія прояснила
Сіяньемъ чистой красоты
Его любимыя мечты,
И вновь его животворила.
Спадётъ завѣса клеветы.....
....

Затихли съ бурей скорби злыя;
Лицетворенныя въ мечтахъ,
Прошли онѣ, какъ небылыя;
Не потревожитъ дѣву страхъ;
И въ часъ душевнаго недуга
Сухой отшельника совѣтъ
Не огорчитъ Марію. — Нѣтъ,
Она, теперь его подруга,
Его надежды воскреситъ,
Разсѣетъ мрачную угрюмость; —
И обновленной жизни юность
Блаженствомъ страсти закипитъ.

Съ тѣхъ поръ ужь, можетъ быть, два вѣка,
Мѣняя участь человѣка,
Въ протекшемъ множатъ цѣпь вѣковъ, —
И Донъ, обычной данью воды,
Неся по прежнему въ Азовъ,
Ліетъ, какъ въ бездну. И природы
Не измѣняется законъ;
Но время, какъ мгновенный сонъ,
Летитъ! — И царства и народы,
Скрывая въ тмѣ забытыхъ лѣтъ,
Ихъ заметаетъ легкій слѣдъ
Тлѣтворнымъ вихремъ всезабвенья:
И только въ память поколѣньямъ
Хранитъ болтливая молва
Въ скрижаляхъ древности почтенной —
Разсказовъ сбивчивыхъ слова. —
И мрачность тайны сокровенной,
Какъ призракъ юношескихъ думъ,
Плѣняя любопытный умъ,
Осуществляется гаданьемъ,
Въ любви къ минувшимъ чудесамъ,
Къ волшебникамъ и чарованьямъ.....

Теперь нѣтъ вѣры колдунамъ
Въ воинственныхъ станицахъ Дона:
Смирилъ ихъ козни — страхъ закона,
И заблужденьямъ казаковъ
Судьба назначила предѣлы.

59094 228

И на кладбищѣ рядъ холмовъ
Сравнялся въ рощѣ порѣдѣлой, —
Гдѣ жилъ Колдунъ, живой мертвецъ;
Онъ не страшитъ во мракѣ очи,
И не обходитъ въ часъ полночи
Его встревоженный Донецъ.

КОНЕЦЪ.

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

INFORMATION CONSERVATION, INC.
MAY-JUNE 1988

LIBRARY OF CONGRESS
00025279001